

ВСТРЕЧА С МОЛЬЕРОМ

28 НОЯ 1985

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
г. Москва

Кто не читал, кто не любит Мольера? Но только театр дает возможность ощутить все величие его комического гения, живые, волнующие и сегодня токи его творчества. Вот поэтому зрителей, желающих попасть в новое здание Художественного театра в те вечера, когда на его сцене «Комеди Франсез» представляла мольеровского «Мизантропа», было множество.

Мы шли на встречу с живым Мольером, полные уверенности в том, что уже в театре, названном «домом Мольера», знают секреты его сегодняшнего сценического нетолкования. Признаемся, что наше любопытство особенно подогревало предвкушение свидания с пьесой, которую обходили вниманием и французские гастролеры, и наши театры. Мы видели созданные у нас и за рубежом блестящие постановки «Тартюфа», «Дон Жуана», «Скупого». Но «Мизантроп» оставался «знакомым незнакомцем».

Первое впечатление от спектакля наших гостей самое благоприятное. Его создатели вовсе не стеснялись изысканным штефом перед классиком. Свобода здесь чувствуется во всем — в неожиданном ракурсе декораций Жана-Поля Шамба, причудливо сочетающих колоритные приметы старины с очень современным ощущением сценического пространства, в прекрасных, причем, как и всегда в «Комеди Франсез», костюмах Патриса Кошетье, который, очевидно, любитесь модой XVII века и в то же время с некоторой прозой относится к ярким, немалым изукрашенным вышивкой, кружевами и бантами костюмам и платьям. Спектакль отлично освещен Бруно Босром, сумевшим придать естественным изменениям света разнообразие и бесспорную театральность. Более же всего эта непредвзятость, свобода обращения с Мольером чувствуется в игре актеров театра, в мизансценировке режиссера Жана-Пьера Венсана.

Рисунок спектакля за малыми исключениями отличается простотой и благородством. Со сцены звучит речь, богатая психологическими оттенками, рождающая впечатление, что исполнители ролей прочно сжались со своими персонажами. В лучшие моменты спектакля она обрета-

ет ту особую естественную музыкальность, которая отличает Мольера. Простота и благородство определяют и пластическую сторону спектакля: его мизансцены выразительно раскрывают взаимоотношения героев, вписываются в сценическое повествование о людях, живших некогда, переживавших любовные невзгоды и радости, надежды и разочарования и тем самым весьма похожих на нас, сидящих сегодня в зале.

В этой сознательной приглушенности звучания спектакля, как кажется, и реализуется стремление режиссера приблизить его героев к современности.

Ветеран французской сцены Юбер Кинну создает маленький шедевр из крохотной эпизодической роли слуги Альцеста Дюбуа, хотя, конечно же, его персонаж вовсе не является активным участником действия. Элианта, существующая на «периферии» сюжета, в тонком и тактичном исполнении Катрин Сальвина кажется более убедительной, нежели весьма энергичная, наступательно действующая в спектакле Арсения Тани Торрене.

Поручая роль Селимены Доминик Констанце, актрисе очень современной, нервной, резкой и темпераментной, режиссер рассчитывал на эффект неожиданности истолкования противоречивого, но и в противоречиях сохраняющего гармонию мольеровского образа. Кажется, однако, что его расчеты не совсем оправдались: и противоречия, и гармония оказались затупеваны в силу особенностей индивидуальности актрисы, прямо обличившей героиню с днем сегодняшним. Она очень достойна, эта Селимена, кажется, лигнущая на сцену прямо с парижской улицы.

Яркий и очень интересный актер Мишель Омон в роли Альцеста предельно искренен, но его темперамент явно охлажден возрастом и опытом. Он очень правдив в своих помыслах и поступках, даже самых далеко идущих, но, право же, порой трудно понять, чего он столь придирчиво и беспокойно добивается от окружающих его, в общем-то, вполне добропорядочных людей, от этой красивой, хорошо отлаженной и, если не считать его самого, достаточно спокойной и размеренной жизни. Возникает ощущение, что

этот Альцест захвачен не очень понятной, небезопасной для него самой страстью: он испытывает удовлетворение, только попадая в критические для себя ситуации, он самоуслаждается примерами человеческой низости, обращенной в первую очередь на него самого.

Что ж, быть может, создатели спектакля и уловили нечто немаловажное в образе мольеровского мизантропа — его повышенную субъективность, если угодно — его индивидуализм. Но разве Альцест, этот Чацкий XVII века, радеет только о самом себе? Разве он при всей простоте и неуживчивости характера, при всем видимом комизме поведения не является носителем ростков той истинной жизни, о которой некогда мечтал создатель «Мизантропа»?

Тут выясняется неполюта трактовки комедии Мольера, при которой исчезает общественный темперамент образа Альцеста. Поэтому на первый план спектакля, может быть, и неожиданно для его постановщика, выходит чрезвычайно убедительный и детально разработанный Симон Эйном образ соглашателя Филиппа, слезянного, торжимого, разумного человека, которому несильно отдаешь свои симпатии.

...На сцене собирается весь «бомонд» — напыщенный Оронт (Доминик Розан), глупо-самодовольный болтун Клитандр (Филипп Фретюп), злой коротышка Акаст (Марк Шумар). То рассказывая этих и прочих действующих лиц в один ряд, то на первый взгляд хаотично рассылая их по сцене, режиссер добивается в игре актеров и мизансцене звукой резкости сатирических красок, осуждающей остроты смысловых акцентов. Он как бы заставляет нас вспомнить о том, как Мольер умел ненавидеть во имя великой своей любви к человеку и человечеству.

«Комеди Франсез» доказывает своим спектаклем, пропущенным в Москве и Киеве с большим зрительским успехом, как сложно отыскать современную трактовку творчества Мольера, наполнить высокую традицию новым и актуальным смыслом.

Андрей
ЯКУБОВСКИЙ,

кандидат искусствоведения.